

Вернон Ли

*Зловещий
ГОЛОС*

*Перевод Катерины
Скобелевой*

Вернон Ли

**Зловещий голос. Перевод
Катерины Скобелевой**

«Издательские решения»

Ли В.

Зловещий голос. Перевод Катерины Скобелевой / В. Ли —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748421-7

Посвященные Италии мистические повести Вернон Ли полны очарования средиземноморских пейзажей, но все они — не только о красотах живописных городков в предгорьях Апеннин или посеребренных лунным светом каналов Венеции, не только о тенистых рощах и белых домиках на фоне лазурного моря, но и о любви — романтической и чувственной, разрушительной и созидательной. Она окутана покровом тайны, неуловимым ароматом лепестков розы и персикового дерева, и ее голос — притягательный и опасный — зовет каждого.

ISBN 978-5-44-748421-7

© Ли В.

© Издательские решения

Содержание

Вернон Ли. Сказки об Италии	6
Дионея	7
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Зловещий голос

Перевод Катерины Скобелевой

Вернон Ли

Переводчик Катерина Скобелева

© Вернон Ли, 2020

© Катерина Скобелева, перевод, 2020

ISBN 978-5-4474-8421-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вернон Ли. Сказки об Италии

Вайолет Паже, известная под мужским псевдонимом Вернон Ли, автор более сорока книг и бесчисленного количества статей, на рубеже XIX и XX веков обрела признание среди ценителей романтической прозы – прежде всего благодаря произведениям, посвященным Италии. А было их немало – это и труды по эстетике и истории, и путевые заметки, и, конечно же, мистические повести, полные огненных средиземноморских страстей.

Вайолет родилась в 1856 году во Франции: ее родители – англичанка, чья семья сделала состояние в Вест-Индии, и сын французского аристократа-эмигранта – много путешествовали, переезжая из одной европейской страны в другую. Вайолет унаследовала от них любовь к перемене мест, но в особенности ее очаровала итальянская культура. Активно принимая участие в делах английского литературного сообщества, она при этом много времени проводила во Флоренции – вплоть до самой смерти в 1935 году. Неудивительно, что множество ее работ посвящены именно Италии.

В качестве псевдонима писательница взяла фамилию сводного брата и мужское имя, полагая, что женщине будет сложнее добиться известности. Да и образ жизни у нее по тем временам был скорее мужским: словно этакий джентльмен-холостяк, Вернон Ли путешествовала в свое удовольствие, сочиняла интеллектуальную прозу и увлеченно занималась изучением всяких древностей, а не домашним хозяйством, как подобает благопристойной леди.

Представленные в данной книге повести – это истории о любви, и не только к Италии. Вернон Ли исследовала природу этого чувства во всех его оттенках – от нежности до одержимости, что будоражило холодные умы и чувствительные души ее современников не менее, а то и более, чем красочные описания тенистых оливковых рощ и белых домиков на фоне лазурного моря. Итак, давайте заглянем в те края, где дни полны жаркой истомы и сладости цветов лимонного дерева вкупе с горечью мирта, а ночи источают запах пряных трав. И если вы внезапно ощутите дуновение ветра, напоенного этими ароматами, и услышите в нем шелест голосов из прошлого – не пугайтесь. Или, наоборот, пугайтесь – это уж кому как нравится.

Катерина Скобелева, переводчик

Дионея

Отрывки из писем доктора Алессандро де Розиса, отправленных госпоже Эвелине Савелли, княгине Сабина

Монтемиро Лигуре, 29 июня 1873 года

Спешу воспользоваться щедрым предложением вашей светлости (уж позвольте старому республиканцу, который нянчил вас на коленях, время от времени обращаться к вам по этому титулу: он представляется мне удивительно подходящим) оказать помощь нашим беднякам. Никогда бы не подумал, что придется так скоро заделаться попрошайкой. Ведь урожай оливок был необычайно изобильным. Мы тут, ближе к Генуе, не срываем их недозрелыми, подобно нашим соседям из Тосканы, а дожидаемся, пока они станут большими и черными – и лишь тогда молодые люди начинают ходить меж деревьев с длинными прутьями и сбивать оливки в траву, где их подбирают женщины, – это отрадное зрелище, и вашей светлости стоит увидеть его однажды: среди серых стволов на фоне бирюзового моря загорелые, босоногие юноши тянутся вверх, балансируя на ветвях... Кстати, если уж речь зашла о нашем море, так это из-за него я и хочу просить денег. Поднимая взгляд от своего письменного стола, я вижу его за окном: оно там, далеко внизу, за оливковыми рощами, синевато-зеленое в лучах солнца, с темно-лиловыми прожилками в тех местах, где по водной глади стелются тени облаков, похожее на одну из столь любимых вами мозаик Равенны и распростертое, подобно выложенному разноцветными плитками полу, на виду у всего мира – коварное море, зловещее в своей прелести, более опасное, нежели у вас на севере; из него в стародавние времена, когда финикийцы или греки строили храмы в Леричи и Портовенере, должно быть, и вышла на землю несущая погибель богиня красоты, Венера Чаровница – от слова «чары» в дурном его смысле, – в один миг затмевающая разум мужчин, подобно тому, как на прошлой неделе шторм одел мраком небо и землю.

Тут-то я и подхожу к сути дела. Я бы хотел, чтобы вы, дорогая госпожа Эвелина, пообещали мне выделить некоторую денежную сумму, довольно-таки большую – достаточную для того, чтобы вы приобрели себе изящный суконный сюртучок, сшитый на мужской манер, – и необходимую для расходов на воспитание, вплоть до совершеннолетия, безвестной девочки, выброшенной бурей к нам на берег. Наши люди хоть и добры, но весьма бедны, и у всех полным-полно детишек; кроме того, они с подозрением относятся к бедной ничейной малютке, принесенной этим ужасным штормом, считая ее, без сомнения, язычницей, поскольку на ней не было ни крестика, ни ладанки, как у всех истинно христианских детей. В связи с тем, что мне не удалось уговорить ни одну женщину удочерить это дитя, а сам я, как старый холостяк, испытываю трепет перед своей домоправительницей, мне вспомнились некие монахини, обучающие маленьких девочек молитвам и плетению кружев неподалеку отсюда, а также вы, дорогая княгиня, способная уладить это дело с помощью денежного пожертвования.

Бедная смугленькая крошка! По окончании шторма (сколько же игрушечных корабликов и зажженных по обету свечей, должно быть, появилось после него у алтаря Мадонны в Портовенере!¹) ее подобрали на песчаной косе меж скал возле нашего замка – это поистине чудо, ведь берег там усеян острыми камнями, напоминающими акульи зубы, а клочки песчаных отмелей немногочисленны и разбросаны далеко друг от друга. Она была привязана к доске, туго спеленатая в какие-то иноземные одежды, и когда ее принесли мне, все считали, что она, конечно же,

¹ Статуя Мадонны, покровительницы рыболовов Портовенере, приписывается скульптору Мино да Фьезоле (1431—86). По давней традиции было принято оставлять возле нее благодарственные подарки, в том числе – модели кораблей.

мертва – это была маленькая девочка четырех или пяти лет, бесспорно красивая, смуглая, точно ягодка; придя в себя, она покачала головой, показывая, что не понимает ни слова по-итальянски, и затараторила какую-то едва вразумительную восточную тарабарщину, в которой вкрапления немногочисленных греческих слов смешивались не пойми с чем: даже глава коллегии по распространению веры² – и тот бы не разобрался. Похоже, лишь этот ребенок выжил после кораблекрушения во время великого шквала: обломки какого-то судна волны выбрасывали на берег еще несколько дней спустя; ни в Специи³, ни в других портовых городках поблизости ничего не знают о нем, однако его заметили несколько рыбаков, вышедших на ловлю сардин: большой неуклюжий челн с намалеванными на бортах глазами – а это, как вы знаете, отличительная особенность греческих судов – определенно направлялся в сторону Портовенере. В последний раз его видели, когда он, миновав остров Пальмария, входил на всех парусах напрямик в густой штормовой мрак. Как ни странно, ни одного тела не вынесло на берег.

10 июля

Деньги я получил, дорогая донна Эвелина. В Сан-Массимо поднялся нешуточный переполох, когда туда прибыл посыльный с заказным письмом, и за мною послали, чтобы я в присутствии самых видных старейшин деревни расписался за его получение.

Дитя вот уже несколько дней пребывает у монахинь – ах, милые монашки, облаченные в бурные рясы и строгие белые чепцы, с необъятными соломенными шляпами на завязках, болтающимися за спиной наподобие нимба (вы же знаете, они всегда найдут дорогу к сердцу старого обличителя священников и заговорщика супротив Папы)! У этих сестер из монастыря Стигматов есть школа в Сан-Массимо, чуть поодаль от берега, с запущенным садом, полным лаванды и черешни. Ваша протезе уже успела поставить на уши и сам монастырь, и деревню, и целую епархию, и весь Орден святого Франциска⁴ в придачу. В первую очередь – потому, что никто не мог определить, был ли над ней совершен обряд крещения. Это вопрос серьезный, ибо, как выяснилось (дядя вашего мужа, кардинал, лучше разъяснит почему), в одинаковой степени нежелательно быть крещенным дважды или же вовсе не быть крещенным. Наконец, первая опасность была сочтена менее ужасной; однако девочка, видимо, все-таки была крещена прежде и знала, что это действие не следует повторять, поскольку брыкалась, и вырывалась, и орала, как двадцать дьяволят, и определенно не желала, чтобы ее окропили святой водой. Мать-настоятельница, которая и прежде не сомневалась, что обряд был уже совершен, заявляет, что ребенок поступил наилучшим образом и что небеса воспрепятствовали святотатству, но священник и жена цирюльника – им пришлось держать девчушку – считают все это происшествие довольно-таки жутким и подозревают, что она – протестантка.

Кроме того, возник еще и вопрос об имени. К ее платью – пестрым восточным одеждам и чему-то вроде накидки из жатого шелка, похожего на ткани с Крита и Кипра, – был приколот кусочек пергамента: мы подумали сперва, что это скапулярий⁵, однако на нем удалось разобрать лишь имя Дионея – по крайней мере, так его произносят здесь. Вопрос заключался в следующем: может ли носить подобное имя юная воспитанница в монастыре Стигматов? У половины местных жителей имена не слишком христианские – Норма, Одоакр, Архимед, а мою служанку зовут Фемида, но «Дионея», похоже, всем пришлась не по вкусу – возможно, добрый народ мистическим образом чувствует, что это имя как-то связано с Дионой, одной из возлюбленных

² Урбанианская коллегия по распространению веры была основана Папой Урбаном VIII в 1627 году. Он даровал ей право присваивать докторские степени по философии и богословию.

³ Порт в области Лигурия, неподалеку от Портовенере.

⁴ Францисканцы – католический нищенствующий монашеский орден, основан св. Франциском Ассизским в 1208 году.

⁵ Скапулярий – два скрепленных между собой прямоугольных куска ткани или иного материала, на которые нанесены религиозные изображения или тексты.

батюшки Зевса и матью не какой-нибудь простой девицы, а самой богини Венеры. Девочку едва не назвали Мария, хотя в монастыре уже есть двадцать три Марии, Мариэтты, Мариуччи и так далее. Но сестра, занятая ведением счетов, определенно не любительница однообразия, надумала сперва поискать имя «Дионея» в святцах, а затем, когда это ни к чему не привело, – в большой, обернутой в пергамент книге, напечатанной в Венеции в 1625 году, под названием «Flos Sanctorum»⁶, или Жития святых. Писано отцом Рибаданейрой. С добавлением тех святых, что отсутствует в календаре и известны как неприкаянные, или блуждающие святые». Усердие сестры Анны Маддалены было вознаграждено, ибо там, вне всякого сомнения, среди всех этих неприкаянных святых, в обрамлении орнамента из пальмовых ветвей и песочных часов, начертано имя святой Дионеи, девственной мученицы, знатной дамы из Антиохии, казненной по приказу императора Деция⁷. Я знаю пристрастие вашей светлости к историческим фактам, так что перешлю вам подробный рассказ о ней, но боюсь, дорогая госпожа Эвелина, очень боюсь, что небесная покровительница у вашей маленькой сиротки из моря – еще более необычная.

21 декабря 1879 года

Премного благодарен, дорогая донна Эвелина, за деньги на обучение Дионеи. В сущности, они пока не нужны: воспитание юных барышень в Монтемирто не подразумевает всестороннего образования; что же касается одежды, упомянутой вами, то пара нарядных красных башмачков на деревянной подошве стоит шестьдесят пять сантимов, а прослужит года три, если владелица будет осторожно носить их в аккуратном узелке во время дальних прогулок и снова надевать лишь по возвращении в деревню. Мать-настоятельница необычайно поражена щедростью вашей светлости по отношению к монастырю и немало смущена тем, что не может прислать вам плоды прилежания вашей протее – в виде вышитого карманного платочка или пары кружевных перчаток. Дело в том, что Дионея вовсе не прилежна в рукоделии. «Мы будем молиться Мадонне и святому Франциску, чтобы они сделали ее не такой никчемной», – вздыхает настоятельница. Но вы, ваша светлость (опасаюсь, скорее язычница, нежели христианка по натуре, несмотря на всех Пап, произошедших из вашего рода, и чудеса святого Андрея Савелли), возможно, не слишком склонны ценить вышитые платочки и будете вместо этого вполне довольны известием, что Дионея, хоть и не блещет талантом искусной вышивальщицы, обладает самым прелестным личиком среди всех девочек в Монтемирто. Она высока ростом для своих лет – ей исполнилось одиннадцать, – удивительно пропорционально сложена и отличается немалой жизненной силой: из всех обитательниц монастыря единственно к ней меня не вызывали ни разу. Черты ее лица правильны. Волосы черны и, несмотря на все усилия сестер уложить их гладко, наподобие прилизанных китайских причесок, вьются красивыми локонами. Я рад, что она обещает стать красавицей: тем легче ей будет найти мужа; кроме того, ваша протее и должна быть прекрасна. Увы, характер ее не столь хорош: она ненавидит учиться, шить, мыть посуду – все в равной степени. С прискорбием должен сознаться, что и природного благочестия в ней не наблюдается. Сверстницы недолголюбивают ее, а монахини, хоть и соглашались, что ее нельзя в общем-то назвать непослушной, похоже, считают Дионею этаким жалом в плоть⁸. Девочка часами сидит на террасе, всматриваясь в морские дали (она призналась мне, что ее величайшее желание – добраться до моря, или вернуться к морю, как она выразилась) и лежит в саду под раскидистыми миртовыми кустами, а весной и летом – под живой изгоро-

⁶ «Цвет святых» (лат.). Автор книги – испанский писатель-иезуит Педро де Рибаданейра (1525—1611).

⁷ Гай Мессий Квинт Траян Деций – римский император в 249—251 гг.

⁸ Намек на слова апостола Павла: «И чтобы не превозносился я чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не возносился» (2 Кор. 12:7).

дью из диких роз. По словам монахинь, и розы, и мирт все разрастаются, как будто от присутствия Дионеи – полагаю, на самом деле она просто привлекла к ним всеобщее внимание. «Из-за этого дитяти только сорняки и плодятся!» – бросила как-то сестра Репарата. Еще одна забава Дионеи – играть с голубями. Число этих птиц, собирающихся вокруг нее, поистине удивительно; кто бы мог подумать, что в Сан-Массимо и на окрестных холмах они водятся в таком изобилии. Они порхают, точно хлопья снега, и важно вышагивают по земле, щегольски надувают зобики, то свертывая, то распуская хвосты, и что-то клюют, отрывисто подергивая глупенькими чувственными головками, а горлышки их едва заметно трепещут, клопоча; Дионея же тем временем возлежит на солнышке, вытянувшись во весь рост и подставляя губки, которые они подлетают поцеловать, и время от времени издает странные воркующие звуки или кружится на месте, медленно взмахивая руками, точно крыльями, и вскидывая голову в той же странной манере, что и они; это зрелище приятное для глаза, в духе одного из этих ваших художников – Берн-Джонса или Тадемы⁹: вокруг миртовые кусты, позади – яркие выбеленные стены монастыря, мраморные ступени часовни (в этой стране каррарского мрамора¹⁰ все лестницы из этого камня) и голубая глазурь морского простора вдали, в прорехах меж ветвями падубов. Однако добросердечные сестры терпеть не могут голубей – похоже, от этих маленьких созданий одна грязь – и жалуются, что если бы монастырский духовник не любил голубятину в горшочке по праздникам, то необходимость постоянно отмывать ступени часовни и кухонный порог – все из-за этих мерзких птиц – была бы просто невыносимой.

6 августа, 1882 год

Не искушайте меня, дражайшая княгиня, приглашениями в Рим. Я не буду счастлив там, да и вам мало чести от дружбы со мною. За долгие годы изгнания, проведенного в скитаниях по северным странам, я сделался в чем-то похожим на их обитателей: у меня не всегда получается находить общий язык со своими соотечественниками, за исключением разве что добродушных крестьян и рыбаков в здешних местах. Кроме того, простите тщеславие старика, который научился слагать сонеты-акrostихи, коротая дни и месяцы в Терезиенштадте и Шпильберге: я слишком много выстрадал ради Италии, чтобы спокойно взирать на мелкие парламентские интриги и словесные баталии в муниципалитете, хотя они столь же необходимы в нынешние дни, как были нужны заговоры и сражения в мое время. Я не гождусь для ваших салонов, где толкуются вперемешку министры, ученые мужи и хорошенькие женщины: первые сочтут меня невеждой, а последние – что наиболее для меня прискорбно – педантом... Уж лучше, если вашей светлости действительно хочется повидаться со старым знакомцем, протеже вашего отца еще со времен Мадзини¹¹, и показать ему своих детишек, найдите хоть несколько дней, чтобы приехать сюда будущей весной. Комнаты у вас будут без особых изысков, с каменными полами и белыми занавесками на окнах с видом на мою террасу, а к столу тут обычно подают разнообразную рыбу, яйца, сваренные с травами, собранными меж живых изгородей, и молоко (я прикажу скосить из-под олив белые цветы чеснока, дабы моя корова их не наелась). Ваши мальчики могут пойти посмотреть на огромные броненосцы в гавани Специи, а нам предстоит прогулки по тропинкам, обрамленным с обеих сторон изысканными папоротниками, под раскидистыми ветвями олив, и в полях, где вишневые деревца роняют лепестки на виноградные лозы, все в почках, и фиги топорщат маленькие зеленые перчатки листиков – козы щиплют их, привстав на задние ноги, а коровы жуют траву, возлежав в своих камышовых загонах;

⁹ Эдвард Берн-Джонс (1833—1898) и Лоренс Альма-Тадема (1836—1912) – английские художники.

¹⁰ Каррский мрамор – один из ценнейших сортов мрамора, известный еще с античных времен и добываемый в Апуанских Альпах на территории Каррары, неподалеку от Лигурийского моря.

¹¹ Джузеппе Мадзини (1805—1872) – итальянский политик, патриот, писатель и философ. Сыграл важную роль в ходе первого этапа движения за национальное освобождение в XIX веке.

из лощин, под журчание ручьев, и со скал, под шум прибоя, будут доноситься голоса незримых юношей и девушек, поющих о любви, и цветах, и смерти, совсем как во времена Феокрита¹² – похвально, что ваша светлость знает его. Доводилось ли вашей светлости читать Лонга, греческого сочинителя пасторалей? Он несколько фриволен, и в нем чуть больше наготы, нежели привычно для нас, поклонников Золя¹³, однако в старофранцузском тексте Амио¹⁴ есть удивительная прелесть, и он, как никто иной, дает представление о жизни простого люда в таких вот долинах на побережье в те дни, когда на оливы еще вешали венки из маргариток и гирлянды из роз в честь нимф рощи; когда на другой стороне залива, в самом конце узкого горлышка синего моря, к мраморным скалам лепилась не церковь святого Лаврентия со скульптурным изображением святого, живьем изжаренного на решетке, но храм Венеры, оберегающей свою гавань... Да, дорогая госпожа Эвелина, ваша догадка верна. Ваш старый друг вернулся к прежним грешкам и вновь марает бумагу. Но это более не стихи и не памфлеты. Я пленен трагической историей – историей падения языческих богов... Попадалась ли вам в руки книжица моего приятеля Гейне¹⁵ – о том, как ныне им приходится скрываться под разными личинами и скитаться по свету?

Между прочим, если вы надумаете приехать в Монтемирто, заодно посмотрите на свою подопечную, раз уж так интересуетесь новостями о ней. Тут едва не приключилась катастрофа. Опасаюсь, что умишко девочки все-таки чуть пострадал после того, как в столь юном возрасте она проделала морское путешествие привязанной к обломку мачты, брошенная всеми, бедняжка! Разразился ужасный скандал, и понадобилось употребить все мое влияние и воспользоваться грозным именем вашей светлости и упоминанием Папы, а также воззвать к духу Священной Римской империи, чтобы предотвратить изгнание Дионеи из монастыря Стигматов. Похоже, что эта безрассудная девица совершила чуть ли не святотатство: она попалась на том, что неподобающе обращалась с праздничным платьем Мадонны и ее лучшим покрывалом из плетеного на коклюшках кружева, даром покойной маркизы Виоланты Вигальчила из Форново. Одна из сироток, Заира Барсанти, прозванная Рыжухой, будто бы застала Дионею врасплох, когда та, маленькая злодейка, собиралась украсить свою персону этими священными одеждами, а в другой раз, когда накануне первого воскресенья после праздника Вознесения Господня Дионее поручили полить пол в церкви керосином и засыпать его опилками¹⁶, обнаружила, что та восседает на краешке престола, где совершаются самые священные таинства. За мною послали в страшной спешке, и я вынужден был принять участие в церковном трибунале; Дионея предстала перед нами в приемном зале монастыря, среди намалеванных на стенах изображений святого Франциска и образцов монастырской вышивки в рамочках, размещенных под стеклом возле маленькой статуи Девы Марии, задрапированной на лето в этакую москитную сетку – все для того, чтобы сберечь ее от мух, ведь они, как известно, сатанинские создания.

Кстати, о Сатане – знает ли ваша светлость, что с внутренней стороны маленькой двери при входе в наш монастырь, прямо над небольшой металлической заслонкой, перфорированной, точно распыляющая насадка на лейке, чтобы сквозь эти дырочки сестра-привратница смотрела, кто пришел, и разговаривала с посетителями, наклеен этакий отпечатанный лист с заключенными в треугольники именами святых и отрывками текстов из Библии, а также с изображением рук святого Франциска со стигматами и множеством других знаков, призванных, как объясняется в особой приписке, ввести в смущение нечистого и не допустить, чтобы

¹² Феокрит (кон. 4 в. – 1-я пол. 3 в. до н.э.) – древнегреческий поэт, известный своими идиллиями.

¹³ Эмиль Золя (1840—1902) – французский писатель, представитель реализма.

¹⁴ Жак Амио (1513—1593) – французский писатель и переводчик. В 1559 году выпустил перевод «Дафниса и Хлои» Лонга – романа, написанного предположительно в II веке н.э.

¹⁵ Генрих Гейне (1797—1856) – немецкий поэт и публицист, автор эссе «Боги в изгнании» (1836)

¹⁶ Это делалось для того, чтобы растворить и впитать всю грязь. Затем опилки выметали.

он вошел внутрь? Если бы вы видели Дионею – с каким флегматичным высокомерием она приняла, не пытаясь их опровергнуть, разнообразные шокирующие обвинения! – то подумали бы, как и я, что вышеупомянутая дверь, должно быть, по случайному совпадению была снята с петель – возможно, для каких-то столярных работ – в тот день, когда ваша подопечная впервые проникла в монастырь. Церковный трибунал, состоявший из матери-настоятельницы, трех сестер, капуцина-духовника¹⁷ и вашего покорного слуги, который вотще пытался быть адвокатом дьявола, приговорил Дионею, помимо всего прочего, двадцать шесть раз начертать языком знак креста на голом каменном полу. Бедная малютка! Казалось бы, от этого алые розы должны прорасти меж грязных старых плит, как вырастали они из капель крови госпожи Венеры, когда та поранила ручку о терновый куст.

14 октября 1883 года

Вы спрашиваете, не посеяла ли Дионея в здешнем местечке смуту своею красотой – теперь, когда она стала совсем взрослой и сестры время от времени отпускают ее на полдня поработать в деревне. Здешний народ эту красоту очень даже замечает. Девушку уже величают «la bella Dionea», однако это никак не способствует тому, чтобы поскорее выдать ее замуж, хотя щедрое предложение вашей светлости наделить Дионею приданым широко известно по всему краю от Сан-Массимо до Монтемирто. Похоже, что никто из наших юношей – крестьян или рыбаков – не следует за нею по пятам, а если они и глазекуют ей вслед и перешептываются, когда она шествует мимо них в своих деревянных башмачках, прямая и изящная, с кувшином воды или корзиной белья на прекрасной головке, обрамленной угольно-черными волосами, то скорее, я должен отметить, со страхом, нежели с любовью. Женщины, в свою очередь, растопыривают пальцы, делая знак рогов¹⁸, когда она проходит неподалеку или когда они вынуждены сесть рядом с нею в монастырской часовне; но это, в общем-то, неудивительно. По словам моей экономки, в деревне считают, что у Дионеи дурной глаз и что она приносит несчастье в любви.

«Вы имеете в виду, – переспросил я, – что один ее взгляд способен вызвать помрачение ума у наших пареньков?» Венеранда покачала головой и объяснила – с одинаковой долей убежденности и насмешки в голосе, как обычно, когда она пересказывает мне всякие суеверия своего края, – что дело не в этом: в Дионею-то они не влюбляются (уж слишком боятся сглаза), но где бы она ни появилась, молодые люди волей-неволей начинают сохнуть друг по другу, и обычно при обстоятельствах крайне неблагоприятных. «Знаете ли вы синьору Луизу, вдову кузнеца? Так вот, Дионея в прошлом месяце приходила пособить ей с приготовлениями к свадьбе Луизиной дочери. И что же, теперь девица заявила – истинная правда! – что не желает больше знать Пьеро из Леричи, подавай ей оборванца Курилку из Соларо, а не то она пострижется в монастырь. А передумала невеста именно в тот день, когда в доме появилась Дионея. Не надо забывать и о жене Пиппо, хозяина кофейни: говорят, она всюсю флиртует с одним пареньком из береговой охраны, а Дионея как раз помогала ей со стиркой недель шесть назад. Сын синьора Темистокле только что отрезал себе палец, лишь бы избежать призыва на военную службу, потому что он без ума от своей кузины и боится, как бы его не забрали в солдаты; а ведь всем известно, что над некоторыми из рубашек, сшитыми для него в монастыре Стигматов, потрудились Дионея». Таким образом, вот вам цепочка любовных невзгод – их хватило бы на небольшой «Декамерон»¹⁹, уверяю вас, и во всем винят Дионею. Очевидно, что люди в Сан-Массимо до ужаса боятся ее...

¹⁷ Орден капуцинов – монашеский орден, ветвь францисканского. Основан в 1525 г., утвержден в 1528 г.

¹⁸ Считалось, что жест «коза» (выставленные вперед, как рога, указательный палец и мизинец) защищает от дурного глаза.

¹⁹ «Декамерон» (1352—1354 гг.) – собрание ста новелл итальянского писателя Джованни Боккаччо. Большинство новелл посвящено теме любви.

17 июля 1884 года

Странное влияние Дионеи на окружающих, кажется, все возрастает. Я уж почти готов признать, что наш народ не зря опасается юной ведьмы. Исполняя обязанности врача при монастыре, я прежде полагал, будто нет ничего более ошибочного, нежели все эти романтические истории Дидро и Шуберта²⁰ (ваша светлость как-то пели мне «Монашку молодую» – помните, незадолго до вашей свадьбы?), и что жизнь любой из наших монахинь, по-детски розовощеких под тугими белыми чепцами, крайне зауядна. Оказалось, тем не менее, что романтические бредни были намного вернее грубой прозы. Невиданные страсти расцвели в сердцах добрых сестер, точно так же, как неведомые цветы стали произрастать среди миртовых кустов и розовых изгородей, под коими любит возлежать Дионейя. Упомянул ли я в своих письмах сестрицу Джулиану, принятую в орден всего-то два года назад, – забавное бело-розовое создание, главенствующее над лазаретом? То была самая сосредоточенная на повседневных делах маленькая святая – из всех, что когда-либо прикладывались к кресту или чистили кастрюлю на кухне. Так вот, сестра Джулиана исчезла, и в тот же день пропал из порта один юный морячок.

20 августа 1884 года

Случай с сестрой Джулианой, видимо, положил начало необычайной любовной эпидемии в монастыре Сtigматов: старших воспитанниц приходится держать взаперти, дабы они не вели разговоров при луне, любезничая с юношами через монастырскую стену, и не совершали вылазки к маленькому горбуну, который сидит под портиком возле рыбного рынка и сочиняет любовные письма – всего-то грошик за штуку – с цветастыми выражениями и всем прочим. Уж не знаю, улыбается ли, созывая голубей или нежась под миртовыми кустами и лаская кошек, эта злая малышка Дионейя, за которой никто не ухаживает (а губы у нее – точно лук Купидона или же извивы змейки), – усмехается ли она, когда видит учениц с распухшими, красными от слез глазами или бедных маленьких монашек, в наказание отбивающих поклоны на холодных плитах часовни, и слышит протяжные, гортанные гласные звуки в словах «amore» и «morte» и «mio bene»²¹, которые парят в воздухе вместе с шумом прибоя и ароматом соцветий лимона в вечерние часы, когда молодые люди бродят – под ручку или перебирая струны гитары – по залитым лунным светом тропинкам под оливами?

20 октября 1885 года

Случилось ужасное, ужасное несчастье! Пищу вашей светлости – а руки дрожат, и все же я должен написать об этом, должен выговориться, иначе разрыдаюсь. Рассказывал ли я вам когда-либо про отца Доменико из Касории, исповедника нашего монастыря Сtigматов? О молодом человеке в сутане из бурой саржи, высоком, слегка истощенном постом и ночными бдениями, но красивом, точно монах, играющий на спинете, с картины Джорджоне «Концерт»²², да еще и самым дюжем во всей округе? Немало есть историй о том, как люди боролись

²⁰ В повести Дени Дидро «Монахиня» (1760, изд. в 1796) описаны развращенные нравы монастыря. Песня Франца Шуберта «Молодая монахиня» (1825), написанная на стихи Я. Н. Крайгера, посвящена романтическим чувствам юной монашки.

²¹ Любовь, смерть, дорогой мой (ит.)

²² Признано, что автором картины «Прерванный концерт» (1510) является не Джорджоне (1476 или 1477—1510), а Тициан (ок. 1476/77 или 1489/90—1576). Спинет – разновидность клавишного инструмента.

с искусителем. Ну так что ж, отец Доменико сражался столь же рьяно, как всякий из отшельников, чье жизнеописание можно найти у святого Иеронима²³, и восторжествовал.

Я никогда не встречал ничего подобного ангельской просветленности его победоносной души, полной доброты. Терпеть не могу монахов, и все же я любил отца Доменико. По возрасту я запросто мог быть его отцом, тем не менее, он всегда внушал мне робость и некоторый трепет: хоть меня считают человеком добродетельным для своего времени, но в общении с ним я чувствовал себя бедным мирянином, чья душа осквернена знанием о неисчислимых злодействах и мерзостях жизни светской.

В последнее время отец Доменико казался мне менее спокойным, нежели обычно: его глаза приобрели странный блеск, и красные пятна появились на выступающих скулах. Как-то днем на прошлой неделе, взяв его за руку, я ощутил, что пульс его трепещет, а вся его прежняя сила – а была она немала – словно истаяла, неощутимая под моим прикосновением.

– Вы больны, – сказал я. – У вас лихорадка, отец Доменико. Вы изнуряли свое тело – снова посты и бдения, снова какая-то епитимья. Берегите себя и не ищите небеса: помните, что плоть слаба.

Отец Доменико буквально выдернул у меня руку.

– Не говорите так! – вскричал он. – Плоть сильна! – и отвернулся. Его глаза увлажнились, он весь дрожал.

– Нужно принять хинин, – велел я, догадываясь, впрочем, что хинин тут не поможет. Молитвы могли бы оказаться более действенными, но он не захотел бы принять их от меня, даже если бы я был в состоянии обратиться к небесам. Прошлой ночью меня внезапно вызвали в расположенный над Монтемирто монастырь отца Доменико: мне сказали, что он болен. Я спешил, поднимаясь в гору, в призрачной мгле под оливами, пронизанной лунными лучами, и на сердце у меня было тяжело. Отчего-то я уже знал, что монах мой скончался.

Он лежал в небольшой побеленной комнатке с низким потолком: его перенесли туда из собственной кельи в надежде, что он еще жив. Окна были распахнуты настежь; они обрамляли несколько оливковых ветвей, блестящих в лунном свете, и далеко внизу – полоску заливого лунным светом моря. Когда я подтвердил, что отец Доменико действительно умер, монахи принесли несколько тонких свечей, зажгли их у него в изголовье и изножье и вложили распятое ему в руки. «Господь был рад призвать нашего бедного собрата к себе, – сказал настоятель. – Это апоплексический удар, дорогой мой доктор, апоплексический удар. Так и напишите в свидетельстве о смерти». И я составил фальшивое свидетельство. То была слабость с моей стороны. Но, в конце концов, зачем порождать скандал? У отца Доменико безусловно не было желания навредить бедным монахам.

На следующий день я застал всех маленьких монахинь в слезах. Они собирали цветы, чтобы послать их – как последний дар – своему исповеднику. В монастырском саду я обнаружил и Дионею: она стояла над большой корзиной, полной роз, а на плече у нее примостился один из белых голубей.

– Так значит, – сказала она, – он убил себя, вдыхая угольный чад²⁴. Бедный падре Доменико!

Что-то в ее интонации, в выражении ее глаз неприятно поразило меня.

– Господь призвал к себе одного из самых верных своих слуг, – ответил я с подобающей серьезностью.

Стоя лицом к лицу с этой девушкой, наделенной изумительной, лучезарной красотой, под оградой из розовых кустов, возле которой, расправляя крыльшки и что-то поклевывая,

²³ Иероним Стридонский (342—419/420) – церковный писатель, аскет, создатель канонического латинского текста Библии.

²⁴ Отравление угарным газом – такой способ самоубийства выбрала подруга Вернон Ли, поэтесса Эми Леви (1861—1889).

важно расхаживали голуби, я вдруг точно узрел перед собою побеленную комнатку, увиденную вчера ночью, большое распятие и это несчастное лицо в желтоватом свете восковых свечей... Я порадовался за отца Доменико; его битва была окончена.

– Отнесите вот это отцу Доменико от меня, – молвила Дионея, отломив веточку мирта, всю в звездочках белых соцветий, и, подняв голову, с этакой змеящейся улыбочкой, высоким гортанным голосом затянула странный напев – всего из одного слова «амог-амог-амог». Я выхватил веточку мирта и бросил ей в лицо.

3 января 1886 года

Сложновато будет найти подходящее место для Дионеи, а в ближайшей округе – так и вовсе невозможно. Люди каким-то образом связывают ее имя со смертью отца Доменико, а это еще одно подтверждение того, что у нее дурной глаз. Она покинула монастырь (ведь ей уже исполнилось семнадцать лет) и в настоящее время зарабатывает на жизнь, трудясь вместе с каменщиками над новым домом для нашего нотариуса в Леричи: занятие это нелегкое, но привычное для местных женщин, и отраднo видеть, как Дионея в высоко подвернутой белой юбке и белом корсаже ловко месит дымящуюся известь, или с пустым мешком, накинутым на плечи и голову, царственной поступью шагает в гору, или поднимается по лесам с грузом кирпичей... Я, однако, весьма озабочен тем, чтобы отправить Дионею подальше отсюда, поскольку не перестаю опасаться, как бы дурная репутация не навлекла на нее неприятности, а то и не вызвала всплеск ярости в случае, если однажды Дионея потеряет то презрительное безразличие, с каким относится ко всем нападкам. Я слышал, что один из здешних богачей, некий синьор Агостино из Сарзаны, владелец целого склона в мраморном карьере, присматривает служанку для своей дочери, которая вот-вот пойдет под венец; это добрые люди, сторонники патриархальных обычаев, несмотря на свое богатство: старик до сих пор садится за стол со всеми своими слугами, а его племянник, он же будущий зять, – замечательный молодой человек: он работал, точно Иаков²⁵, в каменоломне и на лесопилке, чтобы заслужить любовь хорошенькой кузины. Во всем доме царит такая атмосфера благости, простоты и покоя, что я надеюсь, все это усмирит даже нрав Дионеи. Ежели я не преуспею и не добуду для нее этого места (причем в противовес зловещим слухам о нашей бедной маленькой сиротке в одинаковой степени потребуются как вся грозная сила прославленного имени вашего сиятельства, так и все мое слабое красноречие), наилучшим решением будет принять ваше предложение и отправить девушку в Рим, раз уж вам так любопытно увидеть нашу печально известную красавицу, как вы ее называете. Я был позабавлен тем, что вы написали мне о своих возмутительных опасениях насчет красавчика-лакея: сам Дон Жуан, моя дорогая госпожа Эвелина, устранился бы Дионеи.

29 мая 1886 года

И снова Дионея вернулась к нам! Но я не могу отослать ее к вашей светлости. Может быть, я слишком долго прожил среди крестьян и рыбацкого люда, или же все оттого, что скептик, как говорят, на самом деле всегда склонен к суевериям? У меня не хватило духу отправить к вам Дионею, хотя ваши мальчишки еще носят матросские костюмчики, а дяде-кардиналу восемьдесят четыре года; что касается князя, то у него, в конце концов, есть самый могущественный амулет супротив ужасных чар Дионеи – это вы сами, во всем своем милom своенравии.

²⁵ Иаков служил своему дяде Лавану, чтобы получить в жены его дочь Рахиль (Быт. 29:18—28)

Поистине есть что-то жуткое в том, что произошло. Бедняжка Дионея! Мне жаль ее: она стала жертвой страстей немолодого уже человека, некогда достойного почтения. Я более потрясен невероятной дерзостью, я бы даже сказал – святотатственным безумием старого мерзавца, нежели тем, что с ним стало. Но все же до чего странное совпадение; от него делается как-то не по себе. На прошлой неделе молния ударила в огромное оливковое дерево в саду возле дома синьора Агостино в Сарзане. Под этой оливой стоял синьор Агостино собственной персоной – его убило на месте, а в каких-то двадцати шагах находилась в этот миг Дионея: она доставала ведро из колодца и осталась целой и невредимой, полной ледяного спокойствия. Это случилось на исходе знойного дня; я сидел на террасе в одной из наших дереvушек, втиснувшись, точно какой-нибудь живучий куст, в расщелину на склоне холма. Я видел, как гроза пала на долину: внезапно все почернело, а затем, как по заклvтью, – вспышка, оглушительный раскат грома, отраженный эхом среди множества холмов... «Я говорила ему, – сказала Дионея очень тихо, когда пришла ко мне со всеми своими пожитками на следующий день, ибо родичи синьора Агостино и минуты не желали видеть ее под своей крышей. – Говорила, что если он не оставит меня в покое, небеса покарают его».

15 июля 1886 года

Моя книга? О, милая донна Эвелина, не заставляйте меня краснеть, начиная расспросы о моей книге! Не принуждайте старика, всеми уважаемого человека на государственной службе, общинного врача округа Сан-Массимо и Монтемирто Лигуре, признать, что он не более чем ленивый мечтатель-бездельник, собирающий материалы совсем как дитя ошипывает плоды шиповника с живой изгороди: вся радость в том, чтобы расцарапать себе руки, стоя на цыпочках, да полюбоваться этими красными ягодками, а потом можно их и выбросить... Помните, что говорит Бальзак о том, как приятно задумывать любое произведение? «*C'est fumier des cigarettes enchantées...*»²⁶

Ну так вот. Сведения, которые можно раздобыть о судьбе античных богов в те дни, когда они перестали быть в чести, чрезвычайно отрывочны: это несколько разрозненных цитат из Святых Отцов, две-три легенды о возвращении Венеры, о гонениях на культ Аполлона в Штирии, о Прозерпине, что, согласно Чосеру, стала правительницей фей²⁷, о нескольких малоизвестных средневековых процессах в отношении язычников и неких странных ритуалах, претворяемых до недавнего времени в чаще бретонских лесов возле Ланьона... Что касается Тангейзера²⁸, то этот рыцарь, по сути – ничтожный человек, существовал в действительности и на самом деле был миннезингером – не то чтобы одним из лучших. Ваша светлость найдет несколько его стихотворений в четырех увесистых томах фон дер Гагена²⁹, но я рекомендовал бы составить представление о поэзии рыцаря Тангейзера, внимая Вагнеру³⁰.

Несомненно, что языческие божества продержались в этом мире намного дольше, нежели мы предполагаем, иногда – рядясь в одежды, похищенные у святых или Мадонны, а порой ничем не прикрывая свою истинную сущность. Кто знает, вдруг они живы и по сей день? И воистину, возможно ли, чтобы это было не так? Ведь ужас лесной чащобы, где царит зеленый полумрак, и зловещий шорох камышей на ветру вполне реальны, а это и есть Пан; точно так же

²⁶ Цитата из романа Оноре де Бальзака «Кузина Бетта» (1846): «Это все равно что курить одурманивающие сигары».

²⁷ В поэме Джеффри Чосера «Кентерберийские рассказы» (конец XIV века) Плутон и Прозерпина называются королем и королевой фей.

²⁸ Тангейзер – немецкий поэт-миннезингер XIII века, ставший героем множества легенд. Миннезингеры (нем. Minnesinger, от Minne – любовь и Singer – певец) – немецкие рыцарские поэты-певцы.

²⁹ Фридрих Генрих фон дер Гаген (1780—1856) – немецкий филолог, занимался изучением древнегерманской поэзии. К числу его главных работ принадлежат четыре тома книги «Миннезингеры. Немецкие поэты-певцы» (1838).

³⁰ «Тангейзер и состязание певцов в Вартбурге» – опера Рихарда Вагнера, завершенная в 1845 году.

существуют и синева звездной майской ночи, и шелест волн, и принесенная дуновением теплого бриза сладость цветов лимонного дерева вкупе с горечью мирта на прибрежных скалах, и далекий напев юношей, достающих из сетей свой улов, и девушек, что серпами косят траву под оливами, – «Амор-амор-амор»: все это – великая богиня Венера. А в то время, как я пишу это письмо, меж ветвями падубов, за синей полоской залива, подобно мозаике из Равенны с пурпурными и зелеными прожилками, моему взору открывается мерцающая белизна домов и оград, колокольни и башен: там, в туманной дымке – зачарованный город-мираж Портовернере... И вот я твержу про себя стих Катулла, только обращаюсь к более могущественной и страшной богине, чем он: «*Procul a mea sit furor omnis, Hera, domo; alios age incitatos, alios age rabidos*»³¹.

25 марта 1887 года

Да, я постараюсь сделать для ваших друзей все, что в моих силах. Я гадаю: неужто у вашего сословия иные правила приличия, нежели у нас, республиканцев-буржуа с огрубевшими руками (хотя вы однажды сказали – в те времена, когда повальная мода на хиромантию еще не сменилась помешательством на воссоединении церкви и государства, – что мои ладони выдают во мне человека духовного), раз вы почитаете должным принести извинения за то, что доставили мне ужасающее неудобство, попросив меня подыскать им подходящее жилье – вы, чей отец помогал мне во дни изгнания, предоставляя мне пищу, кров и даже одежду?

Это так похоже на вас, милая донна Эвелина, – прислать мне фотографии статуй, изваянных моим будущим другом Вальдемаром... Я не испытываю особой любви к современной скульптуре, несмотря на все часы, проведенные в мастерских Гибсона³² и Дюпре³³: это мертвое искусство, и лучше бы нам похоронить его. Однако ваш друг Вальдемар в какой-то степени несет в себе дух старины: кажется, что он видит нечто божественное в человеческой плоти, нечто духовное – в жизни телесной. Но отчего среди всех этих статуй – лишь мужчины да мальчики, атлеты и фавны? Отчего есть один только бюст шупленькой Мадонны с мягкой складочкой тонких губ, изваянный с его жены? Где какая-нибудь широкоплечая амазонка или пышнобедрая Афродита?

10 апреля 1887 года

Вы спрашиваете, как живет несчастная Дионее. Совсем не так, как мы с вами могли бы надеяться, когда помещали ее под присмотр добрых сестер; впрочем, готов поспорить, что вам, личности с причудливым и прихотливым вкусом (в страшной тайне от иной своей ипостаси – той степенной дамы, у которой всегда наготове благочестивые книжицы и карболка для бедняков), было бы приятнее, если бы ваша подопечная оказалась ведьмой, а не простой служанкой – и варила всяческие зелья, а не занималась вязанием носков и штопкой рубашек.

Приготовление приворотных зелий – это, грубо говоря, как раз и есть основное занятие Дионее. Она живет на деньги, в разумных количествах выдаваемые мною от вашего имени (как правило, в сопровождении множества бесполезных упреков), а также для отвода глаз подрабатывает тем, что чинит сети, собирает оливки, таскает кирпичи – всего и не перечислишь; но в действительности она занимает положение деревенской колдуньи. Вы полагаете, наши

³¹ Гай Валерий Катулл (ок. 87 до н.э. – ок. 54 до н.э.). В эпиллии «Аттис» – коротком повествовании, написанном гекзаметром, – рассказывается о том, как юноша, охваченный экстатическим исступлением, оскопляет себя в честь богини Кибелы. Слегка искаженная у Вернон Ли цитата переводится так: «Да минует твое исступление мой дом, госпожа; других опьяняй вдохновеньем, других разуменья лишай» (обращение к Кибеле).

³² Джон Гибсон (1790—1866) – английский скульптор, представитель неоклассицизма, с 1817 года жил в Риме.

³³ Джованни Дюпре (1817—1882) – итальянский скульптор.

крестьяне скептически относятся к подобным вещам? Возможно, они, подобно вам, дорогая госпожа Эвелина, и не верят в чтение мыслей, гипноз и призраков. Однако они твердо верят в порчу, магию и любовные эликсиры. У всякого да найдется какая-нибудь историйка про собственного брата, кузена или соседа. Шурин моего конюха и по совместительству слуги несколько лет назад жил на Корсике; там он стосковался по возлюбленной и стал мечтать о том, как хорошо было бы станцевать с ней на одном из тех балов, какие устраивают наши крестьяне зимой, когда снег в горах дарит им отдых. Местный волшебник за деньги помазал его какой-то мазью, и тот вмиг обратился в черного кота и в три прыжка очутился сначала за морем, потом у дверей дядиного домика и наконец – среди танцующих. Он ухватил свою возлюбленную за подол юбки, чтобы привлечь ее внимание, но та в ответ пнула его так, что он с воем улетел обратно на Корсику. Когда бедняга вернулся летом домой, то отказался жениться на этой даме, а рука у него была на перевязи. «Ты ее сломала, когда я пришел на посиделки!» – заявил он, и других объяснений не потребовалось. Еще один паренек, возвращаясь с работы на виноградниках возле Марселя, однажды лунной ночью подходил к родной деревне, высоко в наших холмах. Он услышал звуки скрипки и дудочки из амбара у дороги и увидел желтый свет сквозь щели меж досками; войдя внутрь, он увидел множество танцующих женщин, старых и молодых, а среди них и свою невесту. Он хотел было подхватить ее за талию и закружить в вальсе (на таких деревенских балах играют «Мадам Анго»³⁴), но девушка увернулась и прошептала: «Уходи, ведь это все ведьмы, они убьют тебя; да и я сама тоже ведьма. Увы! Я отправлюсь в ад, когда умру».

Я мог бы рассказать вашей светлости множество подобных историй. А уж приворотные зелья здесь и вовсе продают и покупают как нечто само собой разумеющееся. Помните печальный рассказец Сервантеса про лиценциата³⁵, который выпил такую отраву под видом любовного эликсира, что вообразил, будто сделан из стекла – это ли не удачный образ злосчастного поэтического безумия? Дионея как раз и готовит любовные эликсиры. Нет, не поймите превратно: она не стремится заполучить с их помощью чье-то расположение, и уж тем более – подарить кому-то свое.

Продавая эти зелья, ваша Дионея остается холодна как лед и чиста как снег. Священник чуть ли не крестовый поход против нее устраивал, и камни летели ей вслед, когда она в очередной раз возвращалась от кого-то из несчастных влюбленных, и даже дети, плескаясь в море и соорудив куличи из песка, бывало, выставляли вперед мизинец и указательный палец и кричали: «Ведьма, ведьма! Мерзкая ведьма!» – когда она шла мимо с корзиной или грузом кирпичей, но Дионея лишь по-змеиному улыбалась в ответ, точно все это ее забавляло, и усмешка ее казалась еще более зловещей, чем в былые дни. Недавно я вознамерился увидеться с Дионеей и отчитать ее за нечестивое ремесло. Она в какой-то степени прислушивается ко мне – не из благодарности, полагаю, а скорее потому, что замечает, с каким восхищением и благоговением ваш старый глупый слуга взирает на нее. Дионея поселилась в заброшенной хижине из сухого камыша и соломы – наподобие тех, что служат загонами для коров, – среди оливковой рощи на скалистом берегу. Ее не было дома, но возле хижины поклевывали что-то несколько белых голубей, а изнутри вдруг раздалось жутковатое бляение ее ручной козочки – я по-глупому испугался этого внезапного звука. Под оливами уже сгустились сумерки, все небо рассекали прожилки цвета увядшей розы, и такие же полосы, наподобие длинного следа из лепестков, тянулись в морской дали. Я кое-как пробрался вниз по крутому склону меж миртовых кустов и вышел к полукругу желтого песчаного пляжа между двух высоких зазубренных скал: именно здесь прибой вынес Дионею на берег после кораблекрушения. Она возлежала там на песочке, расплескивая босой ножкой набегающие волны; ее угольно черные волосы укра-

³⁴ «Дочь мадам Анго» (1872) – оперетта французского композитора Шарля Лекока.

³⁵ «Лиценциат Видриера» – новелла Мигеля Сервантеса (1547—1616). Лиценциат – ученая степень.

шал венки из мирта и диких роз. Подле нее сидела одна из самых красивых девушек в округе, Лена, дочь кузнеца синьора Тулио, и лицо ее под цветастым платком было пепельно-бледным. Я дал себе зарок поговорить с малышкой, но решил не смущать ее сейчас: она девушка нервного склада, склонная к истерикам. Поэтому я, скрываясь пока за миртовыми кустами, присел на камень, поджидая, когда же она уйдет. Дионея, не поднимаясь с песка, неспешно наклонилась к морской воде и зачерпнула пригоршню. «Вот, – сказала она Лене, дочери синьора Тулио, – наполни этим свою фляжку и дай испить Розанчику Томмазино». Затем она принялась напевать: «Любовь – соленая на вкус, как и вода морская. Я пью ее – и все же я от жажды умираю. Чем больше пью, тем горше мне, я от любви сгораю!»

20 апреля 1887 года

Ваши друзья вполне обустроились здесь, дорогая госпожа Эвелина. Дом их стоит на том месте, где был когда-то генуэзский форт: его руины, точно сероватые шипастые побеги алоэ, выросли в мрамор скал над нашим заливом; скалы и стены одинаково нежно-серого цвета (стены существовали задолго до того, как кто-либо впервые услышал о Генуе) почти слились друг с другом, испятнанные черным и желтым лишайником, украшенные тут и там зеленью мирта и пурпуром львиного зева. Там, где была когда-то самая высокая точка форта и где ваша подруга Гертруда надзирает теперь за тем, как служанки развешивают сушиться тонкие белые простыни и наволочки (частичка Севера, в стиле Германа и Доротеи³⁶, перенесенная в южные края), выступает над морем огромное, корявое фиговое дерево, похожее на причудливую горгулью, и роняет спелые плоды в глубокие синие воды. Меблировка в доме скудная, но над ним нависает гигантский олеандр, который вот-вот оденется розовым великолепием, а на всех подоконниках, даже на кухне (какую выставку из сияющих медных кастрюль супруга Вальдемара там устроила!) стоят глиняные горшочки и кадки, полные разросшейся гвоздики и пучков сладкого базилика, и тимьяна, и резеды. Ваша Гертруда больше всего мне по душе, хотя вы предрекали, что я скорее предпочту компанию ее супруга; худым и бледным личиком она сходна с Мадонной Мемлинга³⁷ – как будто некий тосканский скульптор решил запечатлеть этот образ в мраморе, и ее длинные, нежные белые пальчики все время заняты каким-то искусным рукоделием, как подобает какой-нибудь средневековой даме; она редко поднимает взор, но он полон странной голубизны, прозрачнее небес и глубже моря.

В ее обществе Вальдемар нравится мне больше всего: предпочитаю видеть перед собою не гения, а бесконечно нежного... не скажу «любовника», и все же сложно подобрать иное слово: таким он становится в присутствии своей бледной женушки. Когда он рядом с ней, то кажется мне подобным некому свирепому, но благородному дикому существу из лесной чащобы – вроде льва, прирученного и покоренного святой Уной... Как же прекрасна эта трогательная привязанность большого льва Вальдемара, чьи глаза – странные и, по выражению вашей светлости, не без отблеска скрытой жестокости – напоминают прищур какого-то дикого животного.

Думаю, тут и кроется объяснение тому, что он ваяет лишь мужские фигуры: женские, по его словам (и пусть ваша светлость обвиняет его, а не меня, в подобном святотатстве), почти неизбежно уступают им по силе и красоте; в женщине главное – не форма, а содержание, и потому она способна вдохновить живописца, но никак не скульптора. Суть женщины – не тело, а ее душа... Когда Вальдемар сказал мне это, его взгляд, полный нежности, остановился на изящном белом личике жены.

³⁶ «Герман и Доротея» (1797) – идиллическая поэма Иоганна Вольфгага Гете (1746—1832).

³⁷ Ханс Мемлинг (ок. 1440—94) – нидерландский живописец.

– Тем не менее, – возразил я, – люди времен античности – а уж они кое-что смыслили в таких делах – произвели на свет некоторое количество недурных женских статуй: это и богини судьбы в Парфеноне³⁸, и Паллада Фидия³⁹, и Венера Милосская⁴⁰...

– Ах да, – воскликнул Вальдемар с улыбкой и дикарским блеском в глазах, – но ведь это все не женщины, а память о ваятелях этих скульптур осталась в легендах о Эндимионе, Адонисе, Анхизе⁴¹: возможно, им позировала сама богиня.

5 мая 1887 года

Приходило ли вашей светлости в голову, когда вы были в настроении порассуждать, подобно Ларошфуко⁴² (скажем, во время Великого поста, подустав от бесчисленных балов), что не только материнская, но и супружеская преданность может быть очень эгоистичной? Ну вот! Вы качаете головкой, не соглашаясь с моими словами, и все же я готов побиться об заклад, что слышал, как вы говорили: мол, пусть другие женщины почитают правильным ублажать своих супругов, но что касается вас, то князь должен понять, что долг жены в той же степени заключается в том, чтобы сдерживать прихоти мужа, как и потакать им. Я до глубины души возмущен тем, что наша лилейно-белая святая вздумала убедить какую-то другую женщину забыть о врожденной благопристойности – лишь потому, что мужу требуется хорошая натурщица; это поистине недопустимо. «Да ну их, этих девушек, – твердит Вальдемар со смехом. – К чему мне сей неэстетичный пол, как называет его Шопенгауэр?»⁴³ Но Гертруда твердо решила, что он должен изваять женскую фигуру; по всей видимости, над ним не раз подтрунивали из-за того, что он никогда таких не делал. Она давненько присматривала для Вальдемара подходящую модель. Странно видеть, как это застенчивое, бледное до прозрачности существо окидывает наших деревенских девушек оценивающим взглядом работаровца.

«Если уж вы настаиваете на беседе с Дионеей, – заявил я, – то я буду настаивать на том, чтобы присутствовать при вашем разговоре и употребить все свое влияние, убеждая ее отказаться от вашего предложения». Но бледненькая супруга Вальдемара осталась равнодушной ко всем моим речам о том, что скромность – единственное приданое бедной девушки. «Из нее выйдет недурная Венера», – всего-то и услышал я в ответ.

После обмена резкостями мы отправились на скалы вдвоем: жена Вальдемара тяжело опиралась на мою руку, когда мы медленно карабкались по каменной тропинке среди олив. Мы застали Дионею у дверей ее хижины: она вязала в охалки миртовые прутья. Она угрюмо выслушала предложение Гертруды и ее объяснения и с равнодушием – мои увещевания не соглашались. Мысль о том, чтобы раздеться донага в присутствии мужчины, способная вызвать содрогание у самых бесстыдных деревенских девиц, казалось, не смутила ее, чистую дикарку, каковой ее все считают. Так и не ответив, она села под оливами, рассеянно взирая на морские дали. В этот момент к нам поднялся и Вальдемар; он последовал за нами с намерением положить конец пререканиям.

³⁸ Парфенон – памятник античной архитектуры, главный храм в древних Афинах.

³⁹ Фидий (нач. 5 в. до н.э. – ок. 432—31 гг. до н.э.) – древнегреческий скульптор, автор нескольких статуй богини Афины Паллады.

⁴⁰ Статуя, найденная в 1820 г. на острове Милос.

⁴¹ В древнегреческих мифах – возлюбленные двух богинь: Селены (Эндимион) и Афродиты (Адонис, Анхиз).

⁴² Франсуа де Ларошфуко (1613—80) – французский писатель, автор сочинений моралистического характера.

⁴³ Артур Шопенгауэр (1788—1860) – немецкий философ. Подразумеваются его слова: «Низкорослый, узкоплечий, широкобедрый пол мог назвать прекрасным только отуманенный половым возбуждением рассудок мужчины: вся его красота и кроется в этом побуждении. С большим основанием его можно бы было назвать неэстетичным или неязычным полом» (См.: Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы / Пер. Ф. В. Черниговца. 5-е изд. Т. I. СПб., 1900. С. 306).

– Гертруда, – сказал он, – оставь ее в покое. Я нашел себе модель – мальчика-рыбака, и мне он подходит более всякой женщины.

Дионея подняла голову – с обычной своей змеиной улыбкой.

– Я приду, – сказала она.

Вальдемар застыл безмолвно, не отрывая от нее взгляда: она стояла под оливами – ворот белой сорочки распахнут, и видна великолепная шея, а сияющие белые ножки – босые в траве. Зачарованно, как будто не сознавая, что говорит, он спросил ее имя. Она ответила, что ее зовут Дионея, но, в сущности, имя ей должно быть Пенорожденная – найденыш из морских волн; затем она принялась напевать:

Миртовый, миртовый цвет,
Звездное небо – отец мой любимый,
Матерью было мне бурное море⁴⁴.

22 июня 1887 года

Сознаюсь, я был старым дураком, выражая недовольство тем, что у Вальдемара появится натурщица. Наблюдая, как он неторопливо лепит свою статую и из глиняной массы постепенно возникает богиня, я спрашиваю себя – и в данном случае пришел бы в замешательство и более искушенный моралист: может ли жизнь деревенской девушки, ничем не примечательная и бесполезная, проведенная в рамках наших представлений о хорошем и дурном, быть важнее великого произведения искусства, Венеры бессмертной красоты, дара всему человечеству? И все же я рад, что нет необходимости сравнивать значимость того и другого. Гертруда была бесконечно добра к Дионее, когда та согласилась позировать ее мужу; отношение к ней такое же, как если бы она была всего лишь одной из горничных, а коли по округе распространится слух об ее истинных обязанностях и погубит репутацию девушки в Сан-Массимо и Монтемирто, Дионее отправят в Рим, где никто ни о чем не будет знать и где, кстати, ваша светлость сможет сравнить, насколько богиня любви, изваянная Вальдемаром, сходна ликом с нашей сироткой из монастыря Стигматов. Но что еще больше успокаивает меня, так это своеобразное отношение Вальдемара к девушке. Я бы и подумать не мог, что художник может рассматривать женщину исключительно как неодушевленный объект, форму для копирования, вроде цветка или дерева. Вальдемар воистину следует своей теории, что для скульптуры важно лишь тело, а тело само по себе – еще не человек. Его манера говорить с Дионеей после многочасовых сеансов позирования, когда он пристально рассматривает ее, почти груба в своей холодности. Но при этом он восклицает: «Как она прекрасна! Боже милостивый, как она прекрасна!» Любовь к женщине никогда не была столь же неистовой, как это преклонение перед ее внешней оболочкой.

27 июня 1887 года

Однажды вы спросили меня, дражайшая княгиня, сохранились ли в народной памяти хоть какие-то следы языческих мифов (очевидно, вы добавили томик, посвященный фольклору, к стопкам наполовину разрезанных книг с загнутыми страницами, в беспорядке разбросанных у вас по всем комнатам меж китайских безделушек и отрезков средневековой парчи). Я объяснил вам тогда, что все наши сказания о сверхъестественных существах, античных богах, а также демонах и героях давно перемешались с историями, где в изобилии водятся феи, вели-

⁴⁴ Дионея поет сторнелло – это форма итальянской национальной песни из трех стихов: одного пяти- или семисложного и двух одиннадцатисложных.

каны и принцы. Прошлой ночью я получил тому прелюбопытное подтверждение. Я шел в гости к Вальдемару с супругой и натолкнулся на Дионею: сидя под олеандром наверху, среди развалин старого генуэзского форта, она рассказывала истории двум светловолосым детишкам, пока те у ее ног нанизывали в ожерелья опавшие розовые лепестки; голуби, белые голуби Дионеи, ее вечные спутники, важно расхаживали вокруг и клевали что-то среди горшков с базиликом, а белые чайки кружили в вышине над скалами. Вот что я услышал: «...И сказали три феи младшему сыну короля – тому, что воспитывался среди пастухов: „Возьми это яблоко и вручи той из нас, что всех прекраснее“. А первая фея добавила: „Ежели отдашь его мне, то быть тебе императором Рима и красоваться в багряных одеждах, в золотой короне и золотых доспехах, в окружении конных рыцарей“. Вторая же пообещала: „Отдашь его мне – быть тебе Папой, и носить тиару, и владеть ключами от рая и ада“. Но третья молвила: „Отдай его мне, ведь я дам тебе в жены красивейшую из смертных женщин“. И младший сын короля сел в задумчивости посреди зеленого луга, и поразмыслил немного, и решил наконец: „Что толку быть императором или Папой? Дай мне в жены прекрасную женщину, ведь молодая кровь бурлит во мне“. И вручил он яблоко третьей фее...»⁴⁵

Дионея рассказывала эту историю монотонно, на своем полугенуэзском диалекте, и странная улыбка, как всегда, змеилась у нее на губах, а взгляд ее был устремлен далеко-далеко – туда, где в морской голубизне белели точки парусов, похожие на крылья чаек.

– Кто поведал тебе эту сказку? – спросил я.

Она собрала с земли полную горсть цветов олеандра и, подбросив их в воздух, ответила с отсутствующим видом, наблюдая за тем, как дождь из розовых лепестков ложится ей на черные кудри и бледную грудь:

– Кто знает?

6 июля 1887 года

Как удивительна сила искусства! То ли статуя Вальдемара открыла мне истинный лик Дионеи, или же Дионея действительно странным образом стала прекраснее, чем прежде? Ваша светлость, вы будете смеяться, но, встречая ее, я опускаю взор, едва взглянув на ее красоту – не с застенчивостью нелепого старика, чья жизнь посвящена поискам Вечной Женственности, но с чувством, похожим на религиозный трепет, совсем как в те времена, когда я ребенком, преклонив колена рядом с матерью, смотрел вниз на церковные плиты, а колокольный звон возвещал нам о вознесении даров... Помните ли историю о Зевксисе и девушках из Кротона – о том, как и пятерых ему едва хватило, чтобы создать образ Юноны?⁴⁶ Помните ли – вы ведь начитанный человек – весь тот вздор, что наши писатели несли об идеальном в искусстве? Ну, так вот пред нами девушка, в момент избличающая ложность этой чепухи; она намного, намного прекраснее, чем изваянная с нее статуя. Вальдемар так и сказал со злостью, вчера только, когда его жена проводила меня в мастерскую (он превратил в студию давно заброшенную часовню старой крепости, построенную, как говорят, на месте храма Венеры).

При этих словах в глазах его внезапно сверкнул гнев, и, схватив наиболее увесистый из своих инструментов, он одним ударом разнес совершенное лицо. Бедная Гертруда сделалась бледнее пепла, и судорога исказила ее черты...

15 июля

⁴⁵ Сказка Дионеи – вольное изложение мифа о суде Париса, юноши, который должен был вручить яблоко прекраснейшей из трех богинь – и выбрал Афродиту.

⁴⁶ Де Розис путает богиню Юнону с Еленой Прекрасной. Древнегреческий художник Зевксис (кон. 5 – нач. 4 вв. до н.э.) написал для города Кротон картину «Елена». Он избрал пятерых натурщиц из числа самых красивых девушек, чтобы они поочередно позировали ему, и таким образом нарисовал идеальную женщину.

Хотел бы я все объяснить Гертруде! – и, тем не менее, никогда, никогда не повернется у меня язык затеять с ней подобный разговор. Собственно, что тут скажешь? Несомненно, она и сама знает, что муж вовеки не полюбит никого, кроме нее. И все же, замечая ее болезненный, нервический вид, я прекрасно понимаю, что ей должны быть ненавистны эти нескончаемые разговоры о Дионее – о том, насколько модель прекраснее статуи. О, эта проклятая статуя! Поскорей бы она была завершена, а лучше бы работа над ней никогда не начиналась.

20 июля

Этим утром ко мне пришел Вальдемар. Он казался до странности взбудораженным: я заподозрил, что он собирается о чем-то мне рассказать, и все же не осмелился спросить – о чем. Было ли это трусостью с моей стороны? Он сидел в моей комнате, где жалюзи были прикрыты, так что солнечный свет отдельными лужицами подрагивал на красных кирпичных стенах и мерцал на потолке трепетными звездами, и говорил то об одном, то о другом, механически перелистывая рукопись – кипу страничек моей разнесчастной, так и не дописанной книги о богах в изгнании. Затем он встал и, нервно расхаживая по кабинету и бессвязно рассуждая о своей работе, вдруг остановил взгляд на одной из немногих моих античных вещей, маленьком алтаре – небольшой мраморной глыбе с барельефом в виде цветочной гирлянды и бараньих голов и наполовину стершейся надписью, посвящением Венере, матери Любви.

– Он был найден, – пояснил я, – на развалинах храма, что стоял примерно там, где сейчас находится ваша мастерская: по крайней мере, так уверял человек, у которого я купил его.

Вальдемар долго разглядывал этот алтарь.

– Итак, – промолвил он, – в этом маленьком углублении возжигали фимиам или, вернее, я полагаю, собирали кровь жертвы – судя по тому, что в него ведут два желобка? Что ж! В те времена люди были мудрее и предпочитали свернуть шею голубю или сжечь щепотку благовоний, а не пожирать собственное сердце, как мы, и все ради госпожи Венеры.

Он покинул меня со странной свирепой усмешкой, озарившей его лицо.

Вскоре в дверь постучали. Это снова был Вальдемар.

– Доктор, – промолвил он очень тихо, – можете ли сделать мне одолжение? Позвольте позаимствовать ваш маленький алтарь Венеры – всего-то на несколько дней, всего-то до послезавтра. Хочу сделать с него копию для пьедестала моей статуи – вид вполне подходящий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.